

В. Водовозов

Новая русская литература

**От Жуковского до Гоголя
включительно**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

- В. Водовозов**
В11 Новая русская литература: От Жуковского до Гоголя включительно / В. Водовозов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 402 с.

ISBN 978-5-458-47618-8

1-е издание «Новой русской литературы» вышло в свет в 1866 г., 5-е последнее, пересмотренное самим автором, в 1886 г. 6-е издание, вышедшее в свет в 1895 г. уже после смерти В. И. Водовозова (май 1886 г.) было точной копией 5-го. Данное 7-е издание внесены исправления, цитаты и стихотворения проверены по лучшим изданиям сочинений разбираемых писателей и все хронологические и другие факты проверены по новейшим для того времени источникам. Многие стихотворения классиков, которые были известны В. И. Водовозову в прежней редакции, иногда совершенно неправильной, зависящей либо от ошибочного прочтения рукописей поэтов, либо от искажений ради цензуры (в том числе знаменитый Памятник Пушкина), в новых изданиях сочинений этих писателей появились в новой редакции, иногда сильно отличавшейся от прежней. Благодаря этому, многие цитаты, особенно стихотворные, приведенные в книге В. И. Водовозова, бывшие правильными в то время, когда писалась эта книга, оказались неправильными в настоящее время. Стихотворения (особенно Лермонтова), отнесенные прежними редакторами сочинений писателей, а вслед за ними и В. И. Водовозовым, к одним годам, нередко оказывались переставленными на несколько лет вперед или назад.

ISBN 978-5-458-47618-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жуковскій *).

Около 1801 года Державинъ, смѣнивъ свою громозвучную лиру на пастушью свирѣль, воображалъ себѣ Апполона и Дафну на берегахъ Невы и представлялъ:

«Какъ Хариты въ слѣдъ имъ ходять
И соборы нѣжныхъ Музъ,
Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
Всплывъ Наяды сверхъ Невы,
Плещутъ воды: вѣтры машутъ
Ароматъ на ихъ главы».

*) Жуковскій родился 29-го января 1784 года въ селѣ Мишенскомъ, недалеко отъ уѣзднаго города Тульской губерніи Бѣлева. Онъ сначала развивался посреди женскаго общества родной семьи въ Тулѣ, а окончилъ свое образованіе въ Москвѣ, въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ (въ 1800 году). По выходѣ изъ училища до 1812 года онъ большую часть времени проводилъ въ селѣ Мишенскомъ и Бѣлевѣ, наслаждаясь сумракомъ дубравъ, деревенской тишиною, мечтая объ идеальной любви и дружбѣ; тогда появились его первыя баллады: «Людмила», «Светлана», «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», нѣкоторые переводы изъ Шиллера и патріотическое стихотвореніе: «Пѣснь Барданадъ гробомъ славянъ побѣдителей». Въ 1812 году Жуковскій поступилъ въ Московское ополченіе и, находясь при главной квартирѣ князя Кутузова, сопровождалъ армію до Вильно, гдѣ заболѣлъ горячкою, послѣ чего оставилъ службу. Передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, у него явилась мысль написать поэму: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Эта поэма сдѣлала его извѣстнымъ двору; съ 1815 года онъ сначала занимаетъ мѣсто чтеца при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, потомъ избранъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а по вступленіи на престолъ Николая Павловича назначенъ наставникомъ Государя Наслѣдника (будущаго Императора Александра II). Живя въ Петербургѣ, въ кругу Карамзина, Дмитріева Крылова, Батюшкова, Гнѣдича, онъ участвовалъ въ образованіи такъ называемаго Арзамасскаго общества молодыхъ литераторовъ (около 1816 года), гдѣ большею частью добродушно забавлялись надъ приверженцами старой школы Шинникова, составившими «Бесѣду любителей русскаго слова»; но служба при дворѣ скоро исключительно заняла его. Свои новые переводы изъ Шиллера онъ приготавливалъ для великой княгини Александры Ѳеодоровны, а потому издавалъ ихъ въ неболь-

Почти въ то же время въ 1802 году появились слѣдующіе стихи Жуковского:

«Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

шомъ числѣ экземпляровъ съ надписью: «Для немногихъ». Въ 1821 году онъ первый разъ путешествовалъ съ дворомъ по Европѣ и тогда перевелъ пьесы: «Орлеанская Дѣва» (Шиллера), «Пери и Ангелъ» (Мура) и «Шильонскій узникъ» (Байрона). Въ 1826 году онъ вновь ѣздилъ въ Германію, готовясь къ новому званію наставника. Въ 1831 году, живя съ дворомъ въ Царскомъ Селѣ, онъ издалъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ «Три стихотворенія на взятіе Варшавы». Въ 1836 году окончена поэма «Ундина». Передъ тѣмъ Жуковскій еще разъ ѣздилъ въ любимую свою Германію; въ 1837 году онъ совершилъ путешествіе по Россіи, а въ слѣдующемъ году и по всей Европѣ въ свитѣ Наслѣдника. Въ 1841 году, уже 56 лѣтъ отъ роду, получивъ чинъ тайнаго совѣтника, онъ женился за границею на 19-лѣтней дочери русскаго полковника Рейтерна, постоянно жившаго въ Швейцаріи. Остальную жизнь онъ провелъ въ Германіи и умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1852 г. Въ продолженіи времени съ 1840 г. передѣланы имъ съ нѣмецкаго перевода Рюккerta: «Наль и Дамаянти» и «Рустемъ и Зорабъ», а съ буквального нѣмецкаго перевода, нарочно для него приготовленнаго,—греческая поэма Одиссея, вторая часть которой вышла въ 1849 г. Жуковскій всю жизнь отличался мягкимъ, мирнымъ характеромъ, преобладающими чертами котораго были: добродушіе и дѣтская мечтательность. Въ 1824 году онъ писалъ: «Перемены нравственной во мнѣ не найдете—тотъ же дитя, житель уединенія. Но теперешняя жизнь остановила меня на одномъ мѣстѣ: я не переѣхалъ и не подвинулся впередъ....» Такая неподвижность происходила отъ того, что поэтъ довольствовался своими идеальными вымыслами и не вникалъ глубоко въ окружающую его действительность. Въ ранней юности онъ мечталъ:

«Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишины
И, взоръ склонивъ на пѣны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать»..

Тѣ же мечты и успокоительныя чувства находимъ у поэта и въ старости: передъ своею свадьбою онъ пишетъ: «*Liebe ist stark wie der Tod*» (Любовь сильна, какъ смерть).... Какъ эти слова: *Liebe* и *Tod*—близки одно къ другому! На землѣ нѣтъ счастья безъ *любви*, но его нѣтъ также и безъ смерти... Одной душа говорить: *не покидай меня!* Другой душа говорить: *не уноси меня!* Одна даетъ счастье его *прелести*; другая даетъ ему *достоинство*, и проч. Такъ мысль о смерти примиряется съ любовью въ воображеніи Жуковскаго. Лучшія изданія сочиненій В. А. Жуковского: Глазунова, подъ ред. Ефремова, изд. 10-е, въ одномъ томѣ, Спб., 1901; иллюстрированное изданіе Сытина, подъ ред. Алферова, въ двухъ томахъ, Москва, 1903.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ.....
Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье;
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огонь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвая, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить» и т. д.

Эти стихи, извѣстные подъ названіемъ: «Сельское кладбище», какъ мы видимъ, отличаются благозвучіемъ, плавностью и мягкостью слога, какихъ никогда не встрѣчаемъ у Державина; кромѣ этого, здѣсь мы находимъ полную стройность и гармонію въ сочетаніи всѣхъ подробностей описанія: представленъ деревенскій вечеръ, шумъ дневной суеты постепенно смолкаетъ, наступившая ночь и тишина заставляютъ поэта на сельскомъ кладбищѣ; съ чувствомъ всеобщаго покоя у него естественно соединяется мысль о другомъ, непробудномъ снѣ смерти, и въ противоположность ему онъ изображаетъ мирную картину деревенской жизни, задумываясь вообще надъ судьбою поселянина. Мы уже не будемъ говорить о правильности и чистотѣ языка въ приведенномъ нами отрывкѣ: у Жуковского невозможны такія выраженія, какъ «*соборы Музъ, поющихъ съ Нимфами*» или «*вѣтры машутъ ароматы*», хотя и онъ нерѣдко употребляетъ искусственные обороты въ родѣ: «покой безмолвнаго владычества совы», «стоятъ окрестъ» (вмѣсто «кругомъ»), «тихій гласъ денни-

цы», и проч. Но въ этомъ превосходствѣ внѣшней отдѣлки слога еще не заключается главное достоинство стиховъ Жуковского. Такая тема, какъ описаніе сельской жизни, очень могла бы дать поводъ къ появленію въ стихахъ разныхъ Нимфъ, Наядъ, Фавновъ, Сатировъ и тому подобныхъ праздныхъ украшеній. Изъ немногихъ строкъ Державина мы уже видимъ, какъ примѣнялись къ дѣлу эти вымыслы классическаго міра: какой бы случай ни выбралъ Державинъ для описанія, ужъ никакъ нельзя при этомъ вообразить Аполлона и Діану, гуляющихъ на берегу Невы, представить, что тутъ же за ними ходятъ Хариты, цѣлою толпою пляшутъ Мѣзы и поютъ Нимфы. У насъ вообще не принято на улицахъ ни пѣть, ни плясать, и еще менѣе можно допустить, чтобы публично плескались на Невѣ Наяды. Слѣдовательно, Державинъ бралъ и Аполлона, и Мѣзъ, и Наядъ безъ всякаго отношенія къ содержанію, какъ пустую прикрасу темы, не давшей ему никакой живой мысли. Напротивъ, въ псѣѣ: «Сельское кладбище» безъ всякихъ прикрасъ являются самые обыкновенные предметы: *стада* толпятся надъ рѣкой, поселянинъ идетъ въ свой *шалашъ*, *жуки* жужжить, *рога* звенять, дикая *сова* притаилась въ башнѣ,—все это обрисовываетъ картину вечера и ночи; далѣе говорится, что черныя *сосны* и *вязы* развѣсились надъ кладбищемъ; въ изображеніе сельской жизни входятъ: крикъ *птѣухъ*, гулъ *роговъ*, щебетанье *ласточекъ*, трескучій огонь на *дымномъ очагѣ*, *рѣзвяя дѣти*, выбѣгающія лобзать родителей. Мы видимъ, что здѣсь, наоборотъ, всѣ подробности изображенія выходятъ сами собой изъ природы и изъ жизни изображаемаго предмета, а не приданы извнѣ, какъ румянецъ и пышная прическа на двигающейся куклѣ. Такія слова, какъ *жуки*, *сова*, *птѣухъ* и проч., пожалуй не были бы и допущены въ ложно-классической поэзіи, потому что выражаютъ понятія обыденныя, слѣдовательно, по понятію классиковъ, тривіальныя, неприличныя въ благородномъ слогѣ: поэзіи, выйдя въ XVIII вѣкѣ изъ салоновъ маркизы Ментенонъ и тому подобныхъ личностей, допускала въ природѣ только раскрашенныхъ пастушковъ и пастушекъ.

Изъ предъидущаго видно, что главнымъ достоинствомъ Жуковского служить *естественность*, полное согласіе изображенія съ природою изображаемаго предмета. Въ этой *естественности формы*, соотвѣтственной содержанію, заключается *художественность* Жуковского. Такое, новое для его времени, понятіе о художественности въ поэзіи явилось у насъ вмѣстѣ съ подра-

жаніемъ англійскимъ и германскимъ поэтамъ новой, такъ называемой романтической школы. До того времени у насъ брали за образецъ Бюало, Расина, Корнеля, Жанъ-Батиста Руссо, Кребиллона и другихъ французскихъ писателей ложно-классическаго направленія. Но элегія «Сельское кладбище» есть переводъ изъ англійскаго поэта Грея, и въ этомъ отношеніи она имѣетъ для насъ особенное значеніе: незначительная по своему содержанію и какъ произведеніе второстепеннаго англійскаго писателя, она все-таки, въ эпоху своего появленія на русскомъ языкѣ, указывала на то новое художественное направленіе, которое впоследствии совершенно сблизило поэзію съ жизнью.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ художественномъ значеніи Жуковскаго, мы рассмотримъ еще двѣ стороны въ его поэзій, изъ которыхъ одною онъ является подражателемъ Ломоносова и Державина, а другою — подражателемъ нѣмецкихъ поэтовъ особаго направленія; эти двѣ стороны слѣдующія: старая ложно-классическая форма поэзій и ложный нѣмецкій романтизмъ.

Жуковскій, начавъ свою литературную дѣятельность переводомъ: «Сельское кладбище», въ пьесахъ своего собственнаго вымысла не избѣжалъ вліянія старой риторической школы. Мы знаемъ, что онъ провелъ свою юность среди деревенской тишины, въ мирномъ наслажденіи природою, прославляя умѣренность, дружбу, сладкую скорбь, тихіе вздохи и другія нѣжныя ощущенія сердца. По своему природному характеру и воспитанію Жуковскій болѣе всего былъ наклоненъ къ подобнымъ идиллическимъ грезамъ; его сближеніе съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, послѣ выхода изъ университетскаго пансіона, могло только содѣйствовать этому настроенію. Между тѣмъ въ тогдашнее время еще всѣхъ плѣнялъ торжественный строй лиры Державина, воспѣвавшего «трегранный штыкъ Россовъ, кровавыя груди тѣлъ, поля и грады, обращенные въ гробы», или «нѣжныя слезы женъ и дѣтей», сладостные дни покоя «подъ сѣнію кроткою Минервы», смотря по тому, начинали войну, или заключали миръ. Жуковскій также увлекся заманчивой ролью общественнаго пѣвца въ виду совершавшихся тогда на Западѣ великихъ событій; но, вступивъ въ эту совершенно чуждую для него сферу, онъ, конечно, не могъ найти ни новыхъ идей, ни новыхъ выраженій для своей пѣсни: онъ сталъ тѣмъ же Пиндаромъ, какихъ у насъ много народилось въ XVIII столѣтіи, частью вслѣдствіе подра-

жанія французамъ, частью по самому устройству общественной жизни. Идея народнаго пѣвца у Жуковского выразилась такъ:

«О радость древнихъ лѣтъ, Баянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный».

О Баянѣ изъ «Слова о полку Игоревѣ» мы только и знаемъ, что онъ прославлялъ удаляя дѣла князей Олега Черниговскаго; Всеслава и т. п. Онъ не ополчался арфой, не леталъ предъ строями славянъ и не сочинялъ никакихъ священныхъ гимновъ: все это придумано для красоты слога. Но всѣ подобныя выдумки уже показываютъ, что Жуковский не понималъ значенія народнаго пѣвца и избралъ очень неудачный образецъ для подражанія, потому что отыскивалъ свои идеи за семь вѣковъ назадъ, когда выше всего ставили воинскую удалъ.

Въ 1806—1807 году Жуковский написалъ много чувствительныхъ пьесъ: «Тоска по миломъ», «Мальвина», «Филалету», «Къ Нинѣ», и въ томъ числѣ стихотвореніе: «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей». Бардами назывались въ началѣ среднихъ вѣковъ (со II до XII вѣка по Р. Х.) пѣвцы галловъ и другихъ кельтскихъ народовъ: британцевъ, шотландцевъ и проч. Подобно скальдамъ древнихъ скандинавовъ (норманновъ), они воспѣвали дѣла боговъ и героевъ, преимущественно воинскую удалъ, и пользовались благосклонностью князей, которые всю жизнь проводили въ набѣгахъ и опустошеніяхъ. Изъ пѣсенъ бардовъ, въ новѣйшее время, были собраны немногіе, едва понятные отрывки. Между тѣмъ, когда въ половинѣ XVIII-го вѣка появилось въ Германіи стремленіе къ народности, придумали пѣсни бардовъ, никогда не существовавшихъ у германцевъ, и Клопштокъ, основываясь только на ошибочномъ толкованіи одного мѣста Тацита, сочинялъ такъ называемые *Бардиты* *). Подобный *Бардитъ* представляетъ и стихотвореніе Жуковского. Хотя стремленіе къ народности встарину называли

*) Въ сочиненіи Тацита *Germania* слово *baritus* (обычай поднимать военный крикъ) читали *barditus* (пѣснь бардовъ). На этомъ основаніи Клопштокъ вздумалъ воскресить небывалыя пѣсни германскихъ бардовъ. Понятно само собою, что если бы такіе пѣсни и дѣйствительно существовали, то подражать имъ въ XVIII вѣкѣ было бы величайшею нелѣпостью.

романтизмомъ, но этого рода воинственные пѣсни съ именами бардовъ, скальдовъ и т. п. скорѣе можно отнести къ разряду ложно-классическихъ произведеній: надутость выраженія, искусственно подогрѣтое чувство, холодное резонерство, бѣдность содержанія при наружно-блестящей формѣ, все тотъ же звукъ мечей, тѣ же неистовые вопли брани, какъ предметы пѣснопѣнія,—вотъ общія существенныя черты въ пѣсахъ того и другого рода; разница здѣсь только въ томъ, что барды и скальды со всѣмъ ихъ причтомъ заняли мѣсто Пиндара, Музъ, Аполлона, Геркулеса, Марса и прочихъ классическихъ названій. Такъ и у Жуковского въ стихотвореніи: «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей» галльскій пѣвецъ, перенесенный въ славянскія дебри, приглашаетъ воиновъ *ударить въ звонкій щитъ* послѣ битвы, зажечь *костры дубовъ*, изрыть могильный ровъ и *сложить на щиты* поверженныхъ во прахъ. На его зовъ сходятся сонмъ вождей и ратныхъ; передъ ними вѣщій бардъ и на щитахъ страшный рядъ падшихъ въ бою; всѣ, объаты думою, оперлись на конья....

«Средь нихъ костеръ пылаетъ,
И съ свистомъ горный вѣтеръ ихъ *кудри* воздымаетъ».

Мы видимъ, что всѣ эти громкія фразы чужды всякой истины, потому что ничего подобнаго никогда не случалось въ русскомъ лагерѣ. Далѣе пѣвецъ могучими перстами ударяетъ въ струны и величаетъ битву:

«О битвы грозный видъ! смотри, *перунъ* сверкаетъ!
Се мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей *бой и громъ*;
По шлемамъ звукъ мечей; коней пронзенныхъ ржанье,
И трубъ *стозвучный трескъ*».

Въ этомъ безобразіи кровопролитія встарину находили особенную красоту и величіе.

Менѣе высокопарности въ другомъ подобномъ же стихотвореніи Жуковского, въ его извѣстной поэмѣ: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Тутъ мы находимъ художественную отбѣлку стиха, какой напрасно было бы искать у Державина и другихъ писателей одъ; особенная сжатость слога мѣстами придаетъ и силу, и движеніе мысли, напр.:

«Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ,
Тамъ стрѣлы и кольчуги;

Мы села—въ пепель, грады—въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги».

Нѣтъ сомнѣнія, что великія событія 1812 года затронули патріотическое сердце поэта и возбудили въ немъ жаръ, который отозвался и въ его стихотвореніи; но и тутъ Жуковскій не обошелся безъ риторическихъ украшеній: факты, сами по себѣ выразительные, у него вставлены въ эффектную рамку, которая только затемняетъ ихъ смыслъ; ему еще мало было русскаго народа, напрягавшаго все свои силы въ борьбѣ съ геніальнымъ вождемъ Европы; ему нужны были римскіе Курціи, Муціи, Деціи, за которыми уже совсѣмъ не видѣлось народа.

Въ патріотическомъ одушевленіи Жуковскаго, какъ мы уже замѣтили, много искренняго жару; но надо также знать, на какіе предметы обращено это чувство. Энергическія слова:

«Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!»

—эти слова, выражавшія естественное въ то время ожесточеніе противъ врага-губителя, очень плохо изображали бы русскій патріотизмъ, если бы только ими ограничивалось его выраженіе; мстить за гибель и за брань составляетъ еще общую потребность какъ у разумнаго существа, такъ и у звѣря. Посмотримъ, какъ выражается патріотизмъ у поэта въ его понятіи о родинѣ; Жуковскій такъ представляетъ отчизну:

«Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,

Что вашу прелесть замѣнить?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя?»

Защищать эти мѣста, освященные дѣтскими воспоминаніями, защищать своихъ родителей, жену, дѣтей и друзей, — вотъ что прежде всего представляется любящему сердцу поэта, какъ долгъ и какъ естественная потребность. Конечно, никто не будетъ оспаривать естественности чувства, которое здѣсь высказалось; но мы также видимъ, что понятіе Жуковскаго о родинѣ вытекаетъ изъ тѣснаго круга личныхъ отношеній: не всякій родился въ деревнѣ и способенъ слишкомъ восхищаться полями, холмами и потоками; многіе съ неудовольствіемъ вспоминаютъ объ играхъ первыхъ лѣтъ, въ которыхъ, при дурномъ направленіи, можетъ быть, только выражалась дѣтская злость, и о первыхъ урокахъ, можетъ быть, неразлучныхъ въ воспоминаніи съ розгою и голоданьемъ; многіе, наконецъ, не имѣютъ ни жены, ни дѣтей. Если бы у человѣка и было все это, то его представленіе о родинѣ все-таки ограничивалось бы очень небольшимъ мѣстомъ: напримѣръ, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, даже не улицею, не домомъ, а квартирой, въ которой мы живемъ съ родителями или съ женою. Но въ цѣльное понятіе о родинѣ входятъ не отдѣльныя лица и не отдѣльныя мѣста, а все общество, среди котораго мы вращаемся, весь народъ, сродный съ нами по языку, по природнымъ свойствамъ ума и по многимъ обстоятельствамъ жизни, какъ бы ни было различно положеніе отдѣльныхъ его классовъ. Въ отношеніяхъ нашихъ къ обществу и къ народу, то-есть ко всей землѣ, и высказывается то, что мы называемъ *общественной дѣятельностью*: тутъ мы осуществляемъ или стремимся осуществить начала, добытыя нами путемъ науки, послѣ многихъ опытовъ и наблюденій, нашу любовь къ правдѣ и ненависть къ злу, наши искреннія думы объ общемъ благѣ, — словомъ, всѣ наши знанія и убѣжденія, которыя настолько имѣютъ цѣну, насколько они честны, чужды мелкаго эгоизма, разумны и, слѣдовательно, дѣйствительно полезны для родного края. У кого нѣтъ такихъ общепользныхъ знаній и убѣжденій, кто дѣйствуетъ корыстно только для своей личной выгоды, изъ угожденія силѣ и богатству, въ томъ не можетъ быть и истиннаго патріотизма. Сказанное нами отчасти выражаетъ и Жуковский въ стихахъ:

«Утѣха—скорби, прѣсоби—дань,
Погибели—спасенье,
Могучему пороку—брань,

Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ...»

Однако прекрасная мысль, лежащая въ основаніи этихъ стиховъ, высказана очень отвлеченно: Жуковскій все-таки остается при своемъ узкомъ понятіи о родинѣ. Оттого и по поводу своихъ героевъ 1812 года онъ между прочимъ разсуждаетъ, найдеть ли прекрасная ихъ прахъ, узнаеть ли, гдѣ ихъ могила по ароматной зелени, по сладостной красѣ цвѣтовъ? Онъ за-ставляетъ этихъ героевъ и въ минуту битвы видѣть образъ не-забвенной:

*«Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья:
И въ шумъ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.*

*Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горить:
«Твоя и за могилой!»*

Въ средніе вѣка, во времена рыцарства, когда, выходя на битву, на самомъ дѣлѣ принимали изъ рукъ милой оружіе или какой нибудь предметъ на память, подобныя мечты еще имѣли свой смыслъ: обожаніемъ женщины смягчался грубый образъ религіознаго фанатика-рыцаря, хотя въ сущности онъ больше думалъ о грабежѣ, чѣмъ о милой. Но въ наши дни любовь имѣетъ уже болѣе широкій смыслъ: она заключается не въ одномъ эгоистичномъ обожаніи женщины, и мечты о милой, которыя сами по себѣ не представляютъ ничего дурного, пугливо прячутся при мысли о бѣдствіи народномъ. Тотъ же, кто равнодушенъ къ такому бѣдствію, вѣрно, не осчастливитъ и женщины, перенося ея образъ на бранныя знамена. Но вникнемъ нѣсколько ближе въ содержаніе поэмы.

Воображая себѣ все тѣхъ же галльскихъ бардовъ, Жуковскій выводитъ небывалаго пѣвца посреди русскаго стана: въ ночной тишинѣ воины пируютъ, а пѣвецъ провозглашаетъ тосты, причемъ каждый разъ величаетъ предметъ, въ честь котораго поднимаетъ кубокъ; каждый разъ воины вторять ему четверостишіемъ. Одинъ за другимъ провозглашены слѣдующіе тосты: чадамъ древнихъ лѣтъ (эти чада: Святославъ, Донской, два